

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнана	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-булгарской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футурологии	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дюбер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзельг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Моисей Менделевич Смирин

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

Среди причин Великой крестьянской войны XVI в. в Германии главное место, несомненно, принадлежит новым явлениям в аграрных отношениях XV и начала XVI вв.: наступлению феодалов на установившиеся права крестьян в отношении земельных держаний, увеличению всех видов феодальных поборов и общему стремлению феодалов к возврату крепостного состояния крестьян¹. Однако для понимания общего характера Крестьянской войны одного лишь выяснения сущности феодальной реакции, начавшейся с XV в., недостаточно. Важнейшее значение приобретает в этой связи то обстоятельство, что Крестьянская война XVI в. явилась наивысшим пунктом общенародного движения эпохи Реформации, когда в водоворот событий вовлечены были все активные силы немецкого народа, когда решались коренные вопросы политической жизни страны, колебались основы давно сложившейся территориальной системы и обсуждались старые и новые проекты государственного преобразования.

Общественный подъем эпохи Реформации вместе с Великой крестьянской войной были первым ударом по европейскому феодализму, открывшим в Европе эру буржуазных революций. Останавливаясь на вопросе о характере русской буржуазной революции 1905 г., В. И. Ленин сравнивает революцию 1905 г. с тремя буржуазными революциями Запада, начиная с Реформации и Крестьянской войны XVI в.² Цитируя статью Ф. Энгельса «Об историческом материализме», в которой говорится о «трех великих буржуазных революциях», В. И. Ленин разъясняет в скобках, о каких трех великих революциях идет речь (Реформация в Германии и крестьянская война XVI в.; английская революция XVII в., французская — XVIII века). Это не единственное место, где Энгельс относит Реформацию и Крестьянскую войну к первым буржуазным революциям Европы. В «Заметках о Германии» говорится: «Немецкое бюргерство совершило свою революцию, которая, сообразно духу времени, проявилась в религиозной форме — в виде реформации»³. В наброске «К Крестьянской войне» Энгельс писал: «Реформация, — лютеранская и кальвинистская, — это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода». И несколько ниже говорит о том, что эта революция «была более европейской, чем английская, и распространилась в Европе гораздо быстрее, чем французская...»⁴. О «немецкой буржуазной революции XVI ве-

¹ Подробно об этом см. М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, гл. II.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 43.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 344.

⁴ Там же, стр. 356.

ка» говорится и в письме Энгельса к Мерингу от 14 июля 1893 г.¹ Для уяснения точки зрения Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну важно следующее место из его работы «Людвиг Фейербах»: «Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости усилившейся городской буржуазии. Когда эта буржуазия достаточно окрепла, ее борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор местный характер, начала принимать национальные размеры. Первый акт борьбы был сыгран в Германии: так называемая *реформация*»². Энгельс видел таким образом, главное значение немецкой Реформации в том, что в этом движении впервые в Европе борьба с феодальным дворянством затронула коренные вопросы национальной жизни. В своей книге «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс исходит в изложении и анализе фактов из того же взгляда на изучаемое им событие. Иначе проводимая им аналогия с революцией 1848 г. не имела бы смысла. В заключительной части книги Энгельс говорит о двух революциях — о революции XVI в. и революции 1848—1850 гг. Заключительные слова книги. «Революция 1848—1850 гг. не может поэтому окончиться так, как окончилась революция 1525 г.», свидетельствуют о том, что, по мнению Энгельса, перед революцией 1525 г. стояли уже те крупные проблемы, имеющие жизненное значение для народа, какие стояли впоследствии в более широком плане в 1848—1850 гг. Об этом же Энгельс говорит и в начале книги проявленная немецким народом в эпоху Реформации и Крестьянской войны выдержка и развитая им энергия «у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам». Подводя итог анализу расстановки классовых сил в Германии перед Реформацией, Энгельс обращает внимание на своеобразие Германии XVI в., где не было того раскола всей нации на два больших лагеря, «...который имел место в начале первой революции во Франции и который имеет место теперь на более высокой ступени развития в наиболее передовых странах...»³.

Необходимо выяснить, почему именно Германия сделалась ареной первого акта буржуазной революции в Европе. Можно ли утверждать, что Германия в начале XVI в. являлась самой передовой страной Европы по уровню своего промышленного развития и по характеру зарождавшихся в ней элементов капиталистических отношений? Вопрос о характере раннекапиталистического развития Германии остается до сих пор мало исследованным. Буржуазные ученые, много писавшие по этому вопросу (В. Зомбарт, Я. Штридер и др.), не только не выяснили, а, наоборот, запутали его, исходя из своего фальсифицированного представления о сущности капитализма и его возникновении. Для всех них характерно смешение капиталистических элементов с докапиталистическими и перенесение категорий и признаков современного капитализма на ранний этап его зарождения в недрах феодализма. Так, например, Штридер характеризует фуггеров как «крупных промышленников» (Grossindustrielle) XVI в., а принадлежавший к школе Штридера Л. Шейерман, изучивший горнопромышленную деятельность Фуггеров, называет ее «крупнокапиталистической» (Hochkapitalismus) и образцом для всех форм капиталистического предпринимательства⁴. Одни буржуазные исследователи, изучающие «ранний капитализм», обращаются только к крупным торгово-ростовщическим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXIX, стр. 230.

² К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XIV, стр. 675.

³ Ф. Энгельс Крестьянская война в Германии М., 1952, стр. 32.

⁴ J. Strieder, Studien zur Geschichte Frühkapitalistischer Organisationsformen, 1925; Jacob Fugger der Reiche, Leipzig, 1926, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, 1935; L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Karnten, 1929.

компаниям, рассматривая их деятельность как крупнокапиталистическое предпринимательство, характерное для нового времени. Другие объявляют капиталистическими старые, по существу еще цеховые формы организации промышленности. Новые же явления в производстве, действительно знаменовавшие собою возникновение капиталистических отношений, остаются в основном вне сферы их научных интересов. Модернизацией страдает и книга К. Каутского «Предшественники новейшего социализма», в которой содержится очерк промышленного развития Германии перед Реформацией. Каутский говорит о «пролетариате» в текстильной промышленности Германии XVI в., игнорируя то обстоятельство, что в действительности речь могла идти тогда о массе деклассированных, выброшенных из цеховской организации элементов, «ткачах-батраках», по выражению Энгельса, т. е. по существу о предпролетариате.

Советские историки, исходящие из правильного марксистско-ленинского представления о сущности капитализма, только подошли к изучению экономической истории Германии XV—XVI вв. Однако уже то, что сделано в этой области, выявляет общую тенденцию промышленного развития в то время. В. В. Стоклицкая-Терешкович убедительно показала в своей монографии о немецком городе XIV—XV вв. наличие уже в XV в. элементов капиталистической мануфактуры в тех отраслях промышленности, которые вследствие своей связи с отдаленными рынками и зависимости от сырья, привозимого издалека, или по каким-либо другим причинам требовали более или менее значительных вложений капитала. Изучение положения в текстильной, а частично и в других отраслях промышленности в обстановке разложения цехового строя дало В. В. Стоклицкой-Терешкович основание заключать, что характерная для капиталистической мануфактуры «система производственных отношений энергично себе пробивает дорогу в немецком городе XV в., но она далеко еще не является господствующей там»¹. То же следует и из обширного относящегося к немецким городам материала из истории политики цехов и борьбы подмастерьев, который разработан Ф. Я. Полянским².

Работа В. А. Ермолаева «Франконский город в Крестьянской войне 1525 г.»³ показывает на основании материалов Франконии конкретный процесс появления «примитивных мануфактур рассеянного типа, чьи владельцы подчиняли себе и экспроприировали ранее самостоятельных мелких производителей города и особенно прилегающую деревенскую округу...» Статья В. А. Ермолаева дает представление о том, как появившаяся в Германии в XV в. капиталистическая мануфактура, получившая в начале XVI в. дальнейшее развитие, вызвала новые формы классовой борьбы в эпоху Крестьянской войны. Заслуживают внимания также начинания некоторых молодых советских историков в области изучения этих новых явлений в экономической жизни Германии XVI в.

Эти работы советских историков не дают еще возможности восстановить полную картину экономического развития Германии перед Реформацией. Однако они несомненно свидетельствуют о начавшемся уже в то время процессе зарождения в ряде мест страны и в отдельных отраслях промышленности элементов капиталистических отношений. В конце XV и начале XVI в. эти явления были характерны для экономически передовых стран Европы, от которых Германия отставала тогда вследствие эко-

¹ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв., М.—Л., 1936, стр. 103.

² Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв., М., 1952.

³ Сб. «Средние века», вып. V. 1954, стр. 111 и сл.

номической разобщенности своих земель и политической раздробленности. «В экономическом отношении,— писал Энгельс об этом времени,— Германия вполне на уровне современных ей стран»¹. Преимуществом же Германии в экономическом отношении перед другими странами Западной Европы не только в конце XV, но и в начале XVI в. было ее центральное положение на путях мировой торговли, так как новое направление мировых торговых путей в результате великих географических открытий определилось только около середины XVI в. Это продолжавшееся торговое преобладание Германии стимулировало ее дальнейшее экономическое развитие. Энгельс придавал исключительно важное значение выгодному положению Германии на путях мировой торговли. Он видел в этом предпосылку к установлению германского единства² и считал, что без изучения и понимания этого обстоятельства нельзя понимать и самой истории Реформации и Великой крестьянской войны. Энгельс собирался разработать эту тему в подготовлявшемся им втором издании своей книги о Крестьянской войне³.

Если в начале XVI в. капиталистические элементы возникали в отдельных отраслях промышленности еще только спорадически, то тенденция их дальнейшего развития в обстановке общего экономического подъема страны и ее торгового преобладания наметилась вполне определенно. Растущая связь с отдаленными рынками и возраставший спрос на промышленные изделия вели к чрезвычайной активизации купеческого капитала и стимулировали его стремление к проникновению в различные отрасли промышленного производства, к массовым закупкам сырья, к подчинению разоряющейся в этой обстановке бурно растущей предпринимательской деятельности массы ремесленников и к раздачам сырья и полуфабрикатов по монастырям и по домам свободной от цеховой регламентации городской округи. Недостаточная изученность этого процесса не позволяет в настоящее время заключить о достигнутой в начале XVI в. степени его развития. Не подлежит, однако, сомнению, что на этой ранней ступени возникновения капиталистических элементов они могли бы еще долго уживаться с феодальным строем и пользоваться опекой и покровительством феодального государства. Поэтому в централизованных государствах Европы ситуация буржуазной революции создавалась не на ранней ступени капитализма, а значительно позже. Для понимания причин этого необходимо иметь в виду, что при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада приближение буржуазной революции определяется не только достигнутым уровнем новых производительных сил, а отношением между ними и господствующими производственными отношениями. Особенность положения передовых буржуазных элементов в Германии заключалась в том, что они зарождались в раздробленной стране, в которой отсутствовали необходимые условия их дальнейшего развития. В обстановке княжеского мелкoderжания не только не могло быть речи о государственном покровительстве возникавшим элементам капиталистического уклада, но и отсутствовали такие условия, как безопасность дорог, единство монетной системы, общегосударственная законность. Нескончаемые внутренние феодальные войны, сопровождаемые грабежами и контрибуциями, произвольный княжеский фиск и вымогательства многочисленных чиновников княжеских «дворов» ставили всякую предпринимательскую дея-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 357.

² Там же, стр. 344.

³ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, 1952, стр. 152. Письмо к Каутскому от 21 мая 1895 г.

тельность, обеспеченную особыми привилегиями, в зависимость от произвола и всяких случайностей.

Положение в Германии определялось еще тем, что, как показала вся ее предыдущая история, государственная централизация не сложилась в ней в ходе феодального развития. Основная причина заключалась в обособленности ее земель друг от друга, в чрезвычайной слабости связей между ними. В Германии отсутствовали и другие стимулы к государственной централизации, имевшие важное значение в политической жизни других народов Европы. Она была надолго избавлена от иностранных нашествий; ее история не знала таких явлений, как нашествие татар на Россию, как Столетняя война во Франции и т. п. Наоборот, агрессивная политика ее императоров, князей и феодалов, обусловленная рядом причин, в том числе и медленными темпами ее внутреннего феодального развития, долгое время препятствовала консолидации ее территории и образованию территориальной общности. «Германия,— писал Энгельс,— имела в своем составе французские и славянские области и рассматривала Италию как свое достояние, а Рим как свой центр — таким образом, не являлась ни а и ни о н а л ь н ы м комплексом»¹. Немалое значение имело и то обстоятельство, что благодаря замедленности темпов раннего развития феодализма и обособленности провинций в Германии долгое время отсутствовала характерная для других стран развитая феодальная иерархия. Результатом всех этих причин явилась сложившаяся в Германии так называемая территориальная система. Начавшийся в ней, как и в других странах Западной Европы, процесс централизации происходил по территориям и носил, таким образом, местный характер, имея результатом возникновение местных центров и усиление территориальных князей, а не образование единого общегерманского центра и укрепление центральной власти. Вследствие этого в феодальной иерархии Германии не было той силы, которая была бы заинтересована в экономической и политической консолидации. Империя как политический институт, поскольку она вообще представляла собою какую-то реальность, вовсе не была непосредственным продуктом внутреннего развития. Она сложилась в конечном счете как орудие самих князей, являвшихся носителями феодального хаоса, кулачного права и государственной раздробленности. Политический идеал имперского рыцарства, стремившегося к усилению императорской власти за счет князей, особенно духовных, тоже не был в какой-либо мере связан с интересами прогрессивного развития страны и представлял собою реакционный идеал, по сравнению с которым развитая феодальная иерархия была бы шагом вперед.

Таким образом, государственная централизация Германии, которая в начале XVI в. была уже необходима для экономического развития страны, не могла осуществиться в рамках феодального строя до буржуазной революции, как в других странах, и сделалась основным вопросом самой буржуазной революции. Таким образом, Великая крестьянская война, как и вся антифеодальная борьба крестьянско-плебейского лагеря XVI в., являвшаяся высшим выражением общенародного подъема эпохи Реформации, была по существу началом буржуазной революции — ее первым проявлением в Европе.

Однако те же особенности, которые сделали Германию ареной самой ранней буржуазной революции, обусловили своеобразный характер расстановки в ней классовых сил и в значительной степени — ее исход. Прежде всего это относится к тому классу, который был больше всех за-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 343.

интересован в результате борьбы, к бюргерству. Только незначительная часть немецкого бюргерства, связанная с зарождавшимися в стране элементами капиталистических отношений, принадлежала к радикальной оппозиции, требования которой касались не только внутреннего городского строя, но и общего политического состояния Германии, раздробленной и раздираемой княжескими междоусобицами и страдающей от поборов духовных и светских князей. Настроениями этой радикальной оппозиции проникнуты были уже бюргерские памфлеты XV в., особенно так называемая «Реформация императора Сигизмунда», получившая в первые десятилетия XVI в. большое распространение и содержавшая требования коренных политических преобразований, продиктованных стремлением к государственному единству. Эти требования находили широкий отклик и были популярны в разных слоях населения немецких городов, о чем свидетельствуют неоднократные переиздания «Реформации императора Сигизмунда». Однако та бюргерская прослойка, которая задолго перед Реформацией выдвигала такие радикальные политические требования, составляла лишь незначительное меньшинство в бюргерстве. Преобладающая часть бюргерства, состоявшая из цеховых ремесленников и связанных с цеховым производством купцов, принадлежала к умеренной оппозиции, требования которой касались главным образом внутригородских дел и были направлены против бесконтрольного управления в городах и против злоупотреблений в области городских финансов. Об этом говорит история городских движений начала XVI в. — Эрфуртского восстания 1509 г., восстаний в Брауншвейге и Регенсбурге в 1512—1513 гг. и самого крупного — Кельнского движения 1513 г.¹ Говоря об этих двух течениях в бюргерской оппозиции XVI в., необходимо иметь в виду, что в целом бюргерская оппозиция этого времени обнаруживала большие колебания в зависимости от общей ситуации. Дело в том, что объективно радикальные требования политических преобразований отвечали интересам всего бюргерства, но большинство его, продолжавшее цепляться за свои привилегии и имевшее всегда в виду свои непосредственные местные интересы, предпочитало умеренную оппозицию и ограниченные требования, не затрагивавшие широких политических проблем. Однако в тех случаях, когда политическое по существу движение выступало в общей форме и в религиозной оболочке, его поддерживала и основная часть немецкого бюргерства. Так было на первом этапе Реформации, когда политические и социальные стремления участвовавших в ней слоев еще не определились. Тогда реформационное движение, направленное против злоупотреблений папского Рима и католического духовенства, было общенародным движением за освобождение страны от чужеземного засилья, движением, которое могло стать началом борьбы и за внутренние политические преобразования и государственную консолидацию. Бюргерство занимало тогда центральное место в общенародном движении. Но известно, что этот период, ознаменовавшийся триумфом лютеровской Реформации, когда и умеренное большинство бюргерской оппозиции выступало с решительными заявлениями, продолжался недолго. Как только стали уточняться социальные и политические позиции отдельных участвовавших в Реформации слоев, умеренное большинство бюргерства заявило устами Лютера, что реформация ни в какой степени не может служить основанием для требований социальных или политических преобразований, что из реформационного учения следует лишь признание священности светской власти в любом ее виде, поскольку она охраняет «порядок». Во время

¹ См. K. Kaser. Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des 16. Jahrhunderts, Stuttgart, 1894.

Крестьянской войны выяснилось, что и более передовые элементы бюргерства, стремившиеся к установлению государственного единства Германии, представляли себе возможность осуществления этого идеала путем союза не с революционным народом, а с рыцарской оппозицией, о чем свидетельствует проект так называемой Гейльброннской программы.

Таким образом, своеобразие этого первого акта буржуазной революции в Европе проявилось уже в том, что класс, наиболее заинтересованный в объективных результатах революции, не был способен занять в ней последовательную позицию и тем более осуществлять в какой-то степени руководство. Важную роль во всем народном движении эпохи Реформации и в самой Крестьянской войне играла масса городского плебса. Участие плебейских масс городов в движениях, связанных с деятельностью тайных обществ «Башмака» было уже весьма значительным, особенно в движениях 1513 и 1517 гг., когда лозунг установления государственного единства был уже выдвинут в весьма определенной форме¹. Материалы переписки верхнешвабских городов со Швабским союзом показывают, какое сильное давление оказывали плебейские массы городов на свои магистраты². Известно немало случаев, когда революционные крестьянские отряды (например, Лейпгеймский отряд) установили контакт с городским плебсом через голову магистрата. Особенно интересными в этом отношении являются материалы второй части хроники Лоренца Фриза о событиях Крестьянской войны в районах мелких городов Франконии. Во многих случаях городские «общины», т. е. плебейские массы, установившие непосредственный контакт с Бильдгаузенским крестьянским лагерем, становились в своих городах хозяевами положения. Все эти материалы, ярко показывающие роль городского плебса в событиях Крестьянской войны, подтверждают вместе с тем положение Ф. Энгельса о том, что город тогда зависел еще от деревни, что сама тактика плебса определялась положением крестьянских лагерей и их революционными действиями. Важнейшее значение для понимания роли плебса в Крестьянской войне имеет вопрос о его составе, о том, какой из трех составлявших его элементов (внецеховая масса, подмастерья и обедневшие и разорившиеся члены цехов) в нем преобладал. Теоретическая сторона этого вопроса освещена Энгельсом в «Крестьянской войне в Германии» в письме к Каутскому от 21 мая 1895 г. Энгельс обращает в этом письме внимание на необходимость тщательного изучения развития и роли «...элементов, стоявших совершенно вне феодально-сословной структуры, деклассированных, поставленных в положение чуть ли не париев..., которые составляли самый низший, бесправный слой населения любого средневекового города и находились вне общины, вне феодальных связей и вне цехового союза»³. Энгельс подчеркивает, что такое исследование должно составлять «главную основу» в изучении вопроса, потому что именно из этих деклассированных, внецеховых элементов постепенно образуется «...тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества»⁴. Дальше Энгельс пишет, что значение «ткачей», т. е. элементов, так или иначе связанных с цеховым строем, в классовой структуре, характерной для революционной эпохи XVI в., определялось наличием

¹ См. М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией, М., 1952, гл. VII.

² См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, М., 1947, гл. IX.

³ Ф. Энгельс. «Крестьянская война в Германии» стр. 151.

⁴ Там же, стр. 152.

деклассированных, не цеховых ткачей-батраков. Если, таким образом, городской плебс представлял собою пеструю массу из обедневших членов цехов и внецеховых ремесленников, то его способность к самостоятельным революционным действиям определялась уровнем создания его внецеховых элементов, насколько эти последние преобладали, вбирая в себя разоренные и обедневшие слои цеховой организации. Такого преобладания достиг внецеховой элемент во Франции в конце XVIII в., когда он представлял уже собою сильный предпролетариат и когда в ряде случаев проявлялась его революционная инициатива, его способность к самостоятельным революционным действиям. Что касается плебейской массы немецких городов в начале XIV в., то Энгельс дает ей иную характеристику, подчеркивая ее пестроту и неустойчивость, — полную зависимость ее тактики и роли от характера и условий крестьянского восстания. «До крестьянской войны, — пишет Энгельс, — плебейская оппозиция выступает в политической борьбе не в качестве партии, а в виде шумной, ищущей грабежей, продающейся за несколько бочек вина толпы, которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции»¹. Дальше Энгельс пишет, что там, где эта плебейская масса выступала самостоятельно — вне крестьянского восстания, она была реакционна и подчинялась своим собственным мелкобюргерским элементам. Для более конкретного понимания этой характеристики Энгельса необходимо тщательное и детальное исследование вопроса о составе городского плебса. Такое исследование связано с изучением состояния основных отраслей городской промышленности в начале XVI в. Однако и известное нам в этой области позволяет утверждать, что капиталистические элементы могли тогда возникать спорадически в отдельных местах и в отдельных отраслях промышленности, в то время как быстрое развитие торговых связей с отдаленными рынками ставило всю массу цеховых ремесленников в зависимость от купеческого и ростовщического капитала. Процесс зарождения капиталистических отношений резко отставал от процесса разорения ремесленной массы купеческим и ростовщическим капиталом. В материалах Верхней Швабии и Франконии, в которых говорится об активных выступлениях городского плебса, речь идет в большинстве случаев о городских «общинах», состоявших из массы обедневших мелких бюргеров, противостоявших своей открытой поддержкой крестьян привилегированным элементам городов — враждебной крестьянам правящей верхушке и лавировавшим между борющимися партиями богатым и зажиточным бюргерам. Реже встречаются сообщения об активных выступлениях подмастерьев (Gesellen) и деклассированных элементов, поденщиков, не имеющих постоянного заработка и не связанных с какой-либо корпорацией, которых Энгельс характеризует как зачатки пролетариата в средневековом городе.

О наличии деклассированных и поденщиков в составе городского плебса имеются сведения не только в материалах по истории Крестьянской войны, но и в материалах тайных обществ «Башмака». При этом соотношение составных частей плебейской массы представляется и по материалу «Башмака» таким же. Магистрат города Фрейбурга характеризует городские низы, сочувствующие целям тайного общества, как людей, которые «отягощены многими процентами и иными платежами и хотели избавиться от них без уплаты долга своевольно и без всяких оснований, не желая давать ни духовным, ни светским то, что им следует...»². Таким образом, речь идет прежде всего об обедневших и разоряющихся

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 29.

² См. М. М. Смирин. Очерки..., стр. 385.

хозяевах, а не о деклассированных, живущих случайным заработком, к которым данная магистратом характеристика не подходит.

В плебейской массе, входившей составной частью в крестьянско-плебейский лагерь эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, элементы разлагавшегося феодального и цехового общества преобладали еще над элементами не цеховыми, деклассированными, которые образовали предпролетариат. В этом заключается одно из отличий первого акта буржуазной революции в Европе от последующих актов, особенно от французской буржуазной революции конца XVIII в., в которой, как указывает Энгельс, предпролетариат «в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества». В Германии XVI в. в плебсе преобладали те его прослойки, которые не только не могли играть руководящей роли, но, наоборот, сами нуждались в руководстве (это характерно и для предпролетариата в следующих актах буржуазной революции в Европе, и для первых выступлений рабочего класса) и не были способны к какой-либо самостоятельной революционной роли. Революционная роль плебейской массы проявлялась только в период Крестьянской войны, в зависимости от характера и размаха последней. Элементы предпролетариата стали преобладать только там, где общая борьба крестьянско-плебейского лагеря достигала особой силы, выдвигая в разгар углублявшегося и расширявшегося движения революционные задачи широкого значения. Ф. Энгельс придавал в этом отношении исключительно большое значение движению народной реформации Томаса Мюнцера. «Лишь в Тюрингии, — писал Энгельс, — под непосредственным влиянием Мюнцера и в некоторых других местах под влиянием его учеников плебейская часть городов была настолько увлечена общей революционной бурей, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными группами, участвовавшими в движении»¹.

Из всего этого следует не только то, что народная реформация Томаса Мюнцера играла выдающуюся роль в ходе Крестьянской войны, но и то, насколько было бы неверным считать все учение Мюнцера непосредственным выражением идеологии городского плебса. Конечно, непосредственные интересы крестьян и плебеев, их стремление к немедленному установлению имущественного равенства нашли свое выражение в революционном учении Томаса Мюнцера, рассматривавшего имущественное равенство и освобождение всего трудового народа от материальных нужд как необходимый этап перед наступлением на земле «царства божьего». Самый фантастический идеал «царства божьего», под которым Мюнцер, по словам Энгельса, понимал не что иное, как общественный строй без классов, без частной собственности и без обособленной от членов общества государственной власти, не имел в представлении Мюнцера никаких конкретных очертаний. Значение этого идеала определялось тем, что, согласно учению Мюнцера, его осуществление возможно только в результате революционных действий народных масс, которые устранят своих эксплуататоров, разделят между собою их имущество, избавят себя от материальной нужды. Таким образом, народная масса трудящихся, т. е. крестьяне и плебеи, представлялась Мюнцеру как единственный субъект его программы. Благо этой же массы составляло ближайшую цель его учения. Однако это учение о полном общественном перевороте, который

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 30 (подчеркнуто мною. — М. С.)

должен быть произведен самим народом, не может рассматриваться как идеология плебейства или какой-либо другой общественной прослойки того времени. Энгельс писал, что класс, представляемый Мюнцером, едва лишь зарождался¹. Это значит, что Мюнцер представлял ту часть *плебса, которую Энгельс называл зачатками пролетариата и предпролетариатом*. Само собою разумеется, что едва зарождавшиеся элементы класса не могли иметь какой-либо особой классовой идеологии. Представление Мюнцера о будущем было, по существу, подсказано ему грандиозным размахом борьбы народных масс в обстановке общенародного подъема, а не идеологией какой-либо одной общественной прослойки. То, что революционное восстание крестьян и плебеев образовало высший пункт общенародного подъема в момент, когда перед народом стали задачи общенационального развития, оказало решающее влияние на мировоззрение Мюнцера. В этой обстановке Мюнцер, рассматривая реформационное движение как борьбу за интересы народа и отдавшись всецело этой борьбе, не мог представить себе удовлетворение нужд народных масс иначе, как в форме полного преобразования силами народа всех общественных отношений. Именно это обстоятельство обусловило полет его фантазии в область далекого будущего. Понимание учения Мюнцера и его исторических корней невозможно без понимания общего характера всего реформационного движения как начала эры буржуазной революции. Поэтому Энгельс, в наброске плана работы «О реформации и Крестьянской войне в Германии» наметил дать изложение критического эпизода Крестьянской войны, т. е. борьбы в Тюрингии под непосредственным руководством Томаса Мюнцера, в связи с решением вопроса о Реформации как «буржуазной революции № 1».

Основной силой революционного лагеря являлась громадная эксплуатируемая масса народа — крестьяне. Положение немецкого крестьянства в XV—XVI вв. определялось новыми явлениями в экономике страны. В условиях бурного развития городов и зарождения первых элементов капиталистических отношений князья и дворяне стремились к укреплению своей феодальной собственности на землю, к обеспечению дальнейшего использования возросшего товарного производства в интересах усиления феодальной эксплуатации. В целях укрепления феодальной собственности дворяне упраздняли наследственный характер крестьянских держаний и сокращали их сроки. Основной целью феодалов являлось при этом увеличение многообразной системы крестьянских повинностей, недопущение самостоятельного развития крестьянских хозяйств и максимальное присвоение их избыточного продукта. Среди крестьянских повинностей возрастало и значение барщины, применения дарового труда крестьян в барских хозяйствах, расширившихся в то время в связи с увеличением вывоза вина, с повышением спроса на лен и другие промышленные культуры сельского хозяйства. Повышение спроса на шерсть стимулировало развитие барского овцеводства, сопровождавшееся узурпацией общинных выгонов. Наряду с этим крестьяне страдали от захватов других общинных угодий и ущемления их прав пользования лугами, лесами и водами. Феодалы занимали большие участки лесов своими возросшими стадами овец и свиней, продавали общинный лес и запрещали крестьянам охоту и рыбную ловлю. В целях обеспечения барской охоты крестьянам запрещалось уничтожать дичь, которая наносила вред их полям.

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 97.

Наступление феодалов на права крестьян и усиление феодальных повинностей сопровождалось всеобщим распространением на крестьян крепостного состояния, особенно в Юго-Западной Германии. Требования освобождения от крепостного состояния было самым общим крестьянским требованием во время Крестьянской войны. Феодалы же в своих возражениях на крестьянские жалобы заявляли, что вопрос о крепостном состоянии является для них вопросом о распоряжении материальным имуществом крестьян, их трудом и хозяйством.

Происходившее с XV в. ухудшение положения немецкого крестьянства было началом процесса второго закрепощения, принявшего свою окончательную форму после поражения Крестьянской войны и подавления крестьянского сопротивления. В восточных и северных землях Германии стремления господ в этом направлении не могли быть реализованы до Крестьянской войны. На востоке, в захваченных у славян землях, немецкие крестьяне издавна находились в привилегированном положении. На северо-западе борьба внутри господствующего класса между князьями и дворянством облегчала возможность сопротивления крестьян. Зато в Юго-Западной Германии феодальная реакция проявлялась с наибольшей силой.

Наступление феодальной реакции направлено было против всех слоев крестьянства. В жалобах крестьян 1524—1525 гг., отражающих положение основной крестьянской массы, говорится, что многочисленные поборы и повинности, которые неизменно возрастают, лишают жен и детей крестьян необходимого им питания. В других жалобах, исходящих от зажиточных слоев, выражается недовольство тем, что феодалы подрывают крестьянское хозяйство, не дают ему возможности свободного развития, ограничивая его связь с рынком. Стремление феодалов использовать рост товарного производства в своих интересах препятствовало прогрессивному развитию сельского хозяйства, требовавшему свободного вовлечения мелкокрестьянских хозяйств в товарное производство. Поэтому мы видим, что Крестьянская война охватила как основную массу бедных и средних крестьян, так и их зажиточные слои. В списке привлеченных в конце 1525 г. к судебной ответственности участников Крестьянской войны в Вейнсбергском округе содержится и оценка имущества подсудимых. Наряду с бедными крестьянами, о которых записано, что они «ничего не имеют», имеют очень мало или имеют имущество стоимостью ниже суммы своей задолженности, в списке фигурируют и зажиточные крестьяне, владеющие имуществом стоимостью в 100 и больше флоринов, и богатые, имущество которых оценивается в 500, 1000 и больше флоринов¹.

То обстоятельство, что все слои наиболее многочисленного эксплуатируемого класса вступили в антифеодальную борьбу одновременно в основных наиболее густо населенных землях Германии, являлось в то время событием величайшей важности, которое указывало возможность нового прогрессивного пути исторического развития немецкого народа. Мощный подъем крестьянской борьбы привлек в революционный лагерь все прослойки городского плебса. В условиях раздробленной Германии антифеодальный крестьянско-плебейский лагерь получил исключительно важное политическое значение. Уже народные движения XV и начала XVI в. показали, что в Германии всякая борьба против феодалов неизбежно принимала характер борьбы против князей и оказывала влияние на другие общественные слои, заинтересованные в борьбе против ре-

¹ F. L. Baumann. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben Freiburg i Breisgau, № 417.

акционной территориальной системы. Поэтому даже ограниченные местными рамками крестьянские выступления вызывали большую тревогу в княжеских кругах большого района и рассматривались как угроза всей системе княжеского мелкодержания. Об этом красноречиво говорит история тайных обществ «Башмака». Тем более грозным для господствующего класса представлялось восстание крестьян, поддержанное плебсом, охватившее большую часть страны и вспыхнувшее в момент, когда и бюргерство вступило в борьбу с папским Римом, смысл которой заключался в освобождении Германии от иноземного влияния, способствовавшего сохранению в ней состояния политического хаоса.

Однако своеобразие германских условий заключалось в том, что даже в обстановке мощного крестьянско-плебейского восстания консолидация всех элементов, заинтересованных в борьбе с реакцией, и образование в стране трех больших лагерей намечались, как пишет Энгельс, лишь приблизительно¹. Бюргерство, само внутренне разрозненное и занимавшее колеблющуюся позицию, не могло сделаться консолидирующей и организующей силой, несмотря на то, что объективно оно было заинтересовано в успехе борьбы.

Реакционный лагерь тоже был далек от единства. Борьба между разными кликами светских и духовных князей не прекращалась. Оппозиция низшего дворянства могуществу князей, особенно духовных, нарастала. С недоверием и завистью относились к князьям и патрицианские верхи имперских городов. Князья, извлекавшие все выгоды как из политической раздробленности страны, так и из местной и провинциальной централизации, старались в течение всего XV в. подчинить себе оппозиционное рыцарство и патрициат городов. Эти старания, сопровождавшиеся грызней между разными княжескими кликами, привели в 80-х годах XV в. к образованию в Юго-Западной Германии Швабского союза, являвшегося орудием подчинения военных сил и финансовых средств мелких имперских чинов этого района сильнейшим князьям. Главари Швабского союза стремились сделать свою организацию оплотом реакционной территориальной системы не только в Юго-Западной Германии, но и во всей стране. Таков был смысл так называемых имперских реформ, проведенных княжеской кликой Бертольда Майнцского на рейхстагах конца XV и начала XVI в. Однако эти попытки срывались непрекращавшейся борьбой между князьями, а главным образом — назревавшей с начала XVI в. революционной борьбой народных масс и нараставшей оппозицией в среде бюргерства и рыцарства.

Таким образом, если в силу своеобразных условий исторического развития, в Германии создалась ситуация буржуазной революции уже при самом зарождении первых элементов капиталистического уклада, если основную роль в этом отношении сыграла сложившаяся веками обособленность отдельных земель Германии и ее общая политическая раздробленность, то эти же обстоятельства, как и самый факт раннего возникновения революционного кризиса, обусловили в этой стране такую разрозненность классов оппозиционного лагеря, такую незрелость их, в особенности незрелость главного заинтересованного в результатах революции класса, т. е. городского бюргерства, которые предрешили ее исход. «Раздробленность Германии, усиление и закрепление которой было главным результатом крестьянской войны, явилась в то же время и причиной ее неудачи», — писал Энгельс в заключительной части своей книги «Крестья-

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 32.

янская война в Германии»¹. Эта оценка общего характера Реформации и Великой крестьянской войны и особенностей классовой структуры германского общества в начале XVI в. лежит в основе всего анализа, который Ф. Энгельс дает этому историческому событию. Оценка Энгельсом роли Томаса Мюнцера и всего народного направления Реформации в событиях может быть понята только в связи с его оценкой характера самих событий, их места в истории Германии и особенностей обстановки, в которых они протекали. Народные массы крестьянско-плебейского лагеря не могли победить при отсутствии руководящего класса. Однако в этой обстановке политической разрозненности и хаоса в момент, когда решалась судьба народа, еще ярче выступила роль народных масс как главной силы прогрессивного национального развития.

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 107.